

**МЕНЬШИКОВА Диана Александровна,**  
студентка Крымского филиала  
ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,  
Симферополь, Россия,  
e-mail: mail@law-books.ru

## ПУБЛИЧНОСТЬ КАК ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

**Аннотация.** В статье исследуется принцип публичности в уголовном судопроизводстве России в его взаимосвязи с гарантиями защиты прав потерпевших. Анализируется эволюция данного принципа, его нормативное закрепление и практическая реализация через обязанность органов власти по возбуждению, расследованию уголовных дел и защите интересов лиц, пострадавших от преступлений. Рассматриваются проблемы, возникающие из-за дисбаланса между публичными интересами и индивидуальными правами потерпевшего, и предлагаются пути их решения.

**Ключевые слова:** публичность, уголовное судопроизводство, потерпевший, защита прав, обязанности государства, принципы уголовного процесса, прокурор, следователь.

**MENSHIKOVA Diana Alexandrovna,**  
Student of the Crimean branch of  
Federating State Educational Institution of Higher Education  
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»  
Simferopol, Russia

## THE PRINCIPLE OF PUBLICITY AS A GUARANTEE FOR THE PROTECTION OF VICTIMS' RIGHTS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

**Annotation.** The article examines the principle of publicity in Russian criminal proceedings in its relationship with guarantees for the protection of victims' rights. The evolution of this principle, its normative consolidation, and practical implementation through the duties of public authorities to initiate and investigate criminal cases and protect the interests of persons affected by crimes are analyzed. The problems arising from the imbalance between public interests and the individual rights of the victim are considered, and solutions are proposed.

**Key words:** publicity, criminal procedure, victim, rights protection, state obligations, principles of criminal process, prosecutor, investigator.

Принцип публичности, закрепленный в статье 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1], представляет собой фундаментальную основу российского уголовного судопроизводства. Он обязывает органы дознания, предварительного следствия и прокуратуры в пределах своей компетенции принимать все предусмотренные законом меры для установления события преступления, изобличения лиц, виновных в его совершении, и обеспечения правильного применения закона. Исторически сложилось, что данный принцип трактовался преимущественно через призму защиты интересов государства и общества в целом. Однако в современном правовом государстве, провозгласившем приоритет прав и свобод человека и гражданина (статья 2 Конституции Российской Федерации [2]), акценты в понимании публичности неизбежно смещаются.

Публичный интерес сегодня включает в себя не только потребность в неотвратимости наказания, но и обязанность государства обеспечить эффективную защиту и восстановление нарушенных прав конкретного человека, пострадавшего от преступления. Таким образом, публичность становится ключевой процессуальной гарантией реализации прав потерпевшего, возлагая на государственные органы бремя активных действий в его интересах.

Нормативное содержание принципа публичности в контексте защиты потерпевшего раскрывается через систему конкретных обязанностей, возложенных на государственные органы. В соответствии с частью 1 статьи 21 УПК РФ, именно на стороне обвинения лежит обязанность по возбуждению уголовного дела в каждом случае обнаружения признаков преступления и принятию всех мер по его раскрытию. Эта обязан-

ность является императивной и не ставится в зависимость от усмотрения должностных лиц, что служит первой и важнейшей гарантией для потерпевшего, поскольку именно с возбуждения уголовного дела начинается официальная процедура защиты его прав.

Более того, как справедливо отмечает О.В. Воронин, современное понимание публичности предполагает, что «деятельность государства в уголовном процессе должна быть направлена не только на изобличение виновного, но и на восстановление социальной справедливости, что невозможно без полноценной защиты прав потерпевшего» [3]. Это находит свое отражение в положениях статьи 6 УПК РФ, которая в числе назначений уголовного судопроизводства наряду с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, прямо указывает на охрану прав и законных интересов личности.

Обязанность государства по защите потерпевшего реализуется через полномочия должностных лиц. Следователь и дознаватель обязаны принимать все возможные меры, направленные на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, в том числе характера и размера вреда, причиненного преступлением (пункт 4 части 1 статьи 73 УПК РФ). Это включает в себя не только сбор изобличающих обвиняемого доказательств, но и активные действия по документированию последствий преступления для потерпевшего: проведение судебно-медицинских экспертиз, истребование документов, подтверждающих материальный ущерб, и другие следственные действия. Прокурор, осуществляя надзор за процессуальной деятельностью органов следствия и дознания (статья 37 УПК РФ), гарантирует, чтобы права потерпевшего не были нарушены, чтобы ходатайства потерпевшего были рассмотрены, а его законные интересы учтены. В этом смысле прокурор выступает как орган, обеспечивающий реализацию публичного интереса в защите прав жертвы преступления.

С.П. Щерба подчеркивает, что «прокурорский надзор в досудебных стадиях служит важным средством преодоления ведомственного подхода и обеспечения всесторонности и объективности расследования, что напрямую коррелирует с интересами потерпевшего» [4].

Важнейшим проявлением публичности как гарантии прав потерпевшего является правило о недопустимости отказа в возбуждении уголовного дела при наличии к тому оснований, за исключением случаев, прямо указанных в законе (статья 24 УПК РФ). Это правило препятствует произвольному отказу в доступе к правосудию. Кроме того, публичное начало проявляется в том, что прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием) в большинстве случаев допускается лишь с согласия потерпев-

шего (статьи 25, 28 УПК РФ). Тем самым законодатель признает значимую роль потерпевшего в разрешении уголовно-правового конфликта и предоставляет ему право голоса в вопросе о прекращении уголовного преследования, что является важной гарантией его процессуального статуса. Как отмечает А.И. Бойко, «предоставление потерпевшему права вето на прекращение дела по некоторым нереабилитирующим основаниям есть не что иное, как инструмент балансировки между публичным интересом в экономии процессуальных ресурсов и частным интересом потерпевшего в публичном разрешении ситуации» [5].

Однако реализация принципа публичности в защите прав потерпевших на практике сталкивается с рядом системных проблем. Одной из наиболее острых является проблема пассивности и формализма со стороны отдельных должностных лиц органов предварительного расследования. Несмотря на императивный характер статьи 21 УПК РФ, на практике нередки случаи, когда заявления потерпевших длительное время не проверяются, ходатайства о производстве следственных действий остаются без удовлетворения, а расследование ведется по наименее сопротивляющемуся пути. Это приводит к тому, что публичная обязанность по защите прав потерпевшего фактически перекладывается на него самого, что противоречит самой сути принципа публичности. Потерпевший вынужден самостоятельно проявлять инициативу, собирать документы, заявлять многочисленные ходатайства и обжаловать бездействие следователя. Такая ситуация, по мнению М.Н. Хлюпиной, «свидетельствует о кризисе в понимании публично-правовой миссии государства в уголовном процессе, которая подменяется бюрократическим формализмом» [6].

Еще одной проблемой является дисбаланс между правами обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего, который зачастую не компенсируется активной ролью государственных органов. Уголовно-процессуальный кодекс предоставляет обвиняемому широкий спектр прав для защиты от государственного обвинения, в то время как потерпевший, не обладая аналогичными ресурсами, зависит от добросовестности и профессионализма следователя и прокурора. Публичное начало призвано нивелировать этот дисбаланс, обеспечивая стороне обвинения (в широком смысле, включая государственного обвинителя и потерпевшего) необходимые полномочия для установления истины.

Однако на практике ресурсное превосходство государства не всегда используется в интересах потерпевшего. Например, как указывает Д.А. Корецкий, «нередки ситуации, когда следователь, стремясь к формальному закрытию дела, оказывает психологическое давление на потерпевшего, склоняя его к примирению с обвиняемым, что является прямым нарушением как принципа публичности, так и права потерпевшего на доступ к

правосудию» [7].

Особую сложность представляет обеспечение безопасности потерпевшего в рамках публичного производства. Угрозы и давление на потерпевшего со стороны обвиняемого или его окружения могут вынудить последнего отказаться от своих показаний или вовсе отозвать заявление. В такой ситуации пассивность государства губительна. Публичная власть обязана принимать все предусмотренные законом меры для защиты жизни, здоровья и имущества потерпевшего (статья 11 УПК РФ). К ним относятся меры безопасности, предусмотренные Федеральным законом от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [8]. Однако, как показывает практика, применение этих мер зачастую сопряжено с излишней бюрократией и запаздывает, что снижает их эффективность. Публичность в данном контексте означает не просто формальное наличие в законе соответствующих норм, а активную, инициативную позицию государства по их применению в каждом случае, когда возникает реальная угроза.

Проблема эффективности реализации принципа публичности тесно связана с ведомственными и статистическими ориентирами органов предварительного расследования. Когда оценка работы следователя или дознавателя осуществляется по таким формальным критериям, как количество раскрытых преступлений или низкий процент возвращения дел на дополнительное расследование, это может создавать стимулы для нарушений прав потерпевшего. Следователь может быть заинтересован в том, чтобы не возбуждать «сложные» дела, либо прекращать их при первой возможности, либо квалифицировать преступления по менее тяжким статьям, лишь бы выполнить плановые показатели. В такой ситуации интересы потерпевшего приносятся в жертву ведомственной отчетности.

А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский справедливо отмечают, что «реформа уголовного судопроизводства должна быть направлена, в том числе, на изменение системы оценки работы правоохранительных органов, сместив акцент с количественных на качественные показатели, такие как полнота и всесторонность расследования, соблюдение прав участников процесса, в первую очередь – потерпевшего» [9].

Для усиления гарантирующей функции принципа публичности необходима реализация комплекса мер. Во-первых, требуется совершенствование ведомственного и судебного контроля за законностью и обоснованностью решений, принимаемых на досудебных стадиях. Прокурорский надзор должен быть более предметным и ориентированным не только на формальное соответствие процессуальных документов закону, но и на фактическое положение дел, включая оценку того, все ли возможные следственные действия

были проведены для защиты прав потерпевшего. Во-вторых, необходима дальнейшая гуманизация уголовного процесса, которая не должна пониматься исключительно как расширение прав обвиняемого.

Как подчеркивает Л.В. Головкин, «современные тенденции развития уголовного процесса в мире демонстрируют усиление внимания к жертве преступления, и Россия не должна оставаться в стороне от этих процессов» [10]. Это предполагает расширение возможностей потерпевшего участвовать в доказывании, влиять на ход расследования и получать полную и своевременную информацию о ходе дела.

В-третьих, важным направлением является развитие институтов возмещения вреда, причиненного преступлением. Публичная власть должна не только способствовать гражданско-правовому механизму взыскания ущерба в рамках уголовного дела (статья 44 УПК РФ), но и активно развивать государственную систему компенсаций для потерпевших от тяжких и особо тяжких преступлений в случаях, когда взыскание с преступника невозможно.

Такой подход полностью соответствует духу публичности, так как государство, монополизировавшее право на уголовное преследование, принимает на себя часть ответственности за защиту граждан от преступных посягательств. По мнению В.В. Вандышева, «введение эффективного механизма государственных компенсаций стало бы реальным воплощением конституционной обязанности государства защищать права и свободы человека» [11].

Наконец, необходимо повышение процессуальной самостоятельности и ответственности следователя. С одной стороны, он должен быть более независим от ведомственного давления, связанного с статистикой. С другой стороны, его ответственность за необоснованные процессуальные решения, нарушающие права потерпевшего, должна быть усилена. Это создаст стимулы для более качественной и добросовестной работы, направленной на установление объективной истины и обеспечение прав всех участников процесса, и прежде всего – потерпевшего.

В заключение следует отметить, что принцип публичности в современном российском уголовном судопроизводстве является не пережитком карательной идеологии, а динамичным и развивающимся институтом. Его содержание эволюционирует в сторону синтеза публичных и частных начал, где обязанность государства по борьбе с преступностью неразрывно связывается с его обязанностью по обеспечению эффективной защиты прав и законных интересов личности, пострадавшей от преступления. Преодоление существующих проблем в реализации данного принципа требует системных изменений в правоприменительной практике, ориентированных на реальное, а не декларативное обеспечение

прав потерпевшего как центральной фигуры уголовного процесса наряду с обвиняемым. Как резюмирует Н.Г. Стойко, «только когда публичная власть будет воспринимать защиту прав каждого конкретного потерпевшего как свою непосредственную и первостепенную обязанность, можно будет говорить о том, что принцип публичности реализуется в полной мере» [12].

#### Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., включающая новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на официальном интернет-портале правовой информации ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013

[3] Воронин О.В. Принцип публичности в уголовном судопроизводстве: новые грани старого принципа // Уголовное право. – 2023. – № 2. – С. 44-49.

[4] Щерба С.П. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. – М.: Городец, 2022. – С. 32.

[5] Бойко А.И. Состязательность и диспозитивность в современном уголовном процессе России. – М.: Юрлитинформ, 2021. – С. 78.

[6] Хлюпина М.Н. Гарантии прав личности в досудебном производстве по уголовным делам. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2021. – С. 91.

[7] Корецкий Д.А. Тактика и этика процессуального взаимодействия следователя с потерпевшим // Законность. – 2021. – № 8. – С. 110-114.

[8] Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.

[9] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2022. – С. 154.

[10] Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2022. – С. 67.

[11] Вандышев В.В. Компенсация вреда потерпевшим от преступлений: проблемы и перспективы развития // Российская юстиция. – 2022. – №

5. – С. 120-125.

[12] Стойко Н.Г. Назначение уголовного судопроизводства и реализация прав потерпевшего. – М.: Норма, 2023. – С. 98.

#### References:

[1] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52 (Part I). – Art. 4921.

[2] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, including new subjects of the Russian Federation – the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, the Zaporizhzhia Oblast and the Kherson Oblast, brought in accordance with the official publication on the Official Internet Portal of Legal Information ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)), October 6, 2022, No. 0001202210060013

[3] Voronin, O.V. The Principle of Publicity in Criminal Proceedings: New Facets of an Old Principle // Criminal Law. – 2023. – No. 2. – P. 44-49.

[4] Shcherba, S.P. Prosecutor's Supervision over Observance of Human and Civil Rights and Freedoms in Criminal Proceedings. – Moscow: Gorodets, 2022. – P. 32.

[5] Boyko A.I. Adversarial and Dispositive Nature in Modern Criminal Procedure in Russia. – Moscow: Yurlitinform, 2021. – P. 78.

[6] Khlyupina M.N. Guarantees of Personal Rights in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases. – Yekaterinburg: Ural State Law University, 2021. – P. 91.

[7] Koretsky D.A. Tactics and Ethics of Procedural Interaction between an Investigator and a Victim // Legality. – 2021. – No. 8. – P. 110-114.

[8] Federal Law of August 20, 2004 No. 119-FZ «On State Protection of Victims, Witnesses, and Other Participants in Criminal Proceedings» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2004. – No. 34. – Art. 3534.

[9] Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Criminal Procedure: Textbook for Universities. – 8th ed., revised and enlarged. – Moscow: KNORUS, 2022. – P. 154.

[10] Golovko L.V. Alternatives to Criminal Prosecution in Modern Law. – St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House «Legal Center Press», 2022. – P. 67.

[11] Vandyshev V.V. Compensation for Damages to Victims of Crimes: Problems and Development Prospects // Russian Justice. – 2022. – No. 5. – P. 120-125.

[12] Stoyko N.G. Purpose of Criminal Proceedings and Implementation of the Rights of the Victim. – Moscow: Norma, 2023. – P. 98.